

Павел Сутулин

Был ли Сталин союзником Гитлера?

В исторических и преимущественно околоисторических публикациях и дискуссиях последнего времени довольно распространено мнение, что СССР с 23 августа 1939 г. СССР был союзником Германии, что проявилось прежде всего в совместном с Германией захвате Польши. Нижеследующий текст имеет целью продемонстрировать читателям, что рассмотрение подробностей польской кампании не дает оснований для подобных выводов.

Прежде всего необходимо отметить, что вопреки расхожему заблуждению СССР не связывал себя никакими официальными обязательствами по вступлению в войну с Польшей. Ни в секретном дополнительном протоколе к Договору о ненападении между Германией и СССР, ни тем более в самом договоре, разумеется, ничего подобного прописано не было. Тем не менее уже 3 сентября 1939 г. Риббентроп отправил послу Германии в СССР Ф. В. Шулен-

бургу указание поинтересоваться у Молотова, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию», добавив при этом, что это «было бы и в советских интересах»¹. Подобные завуалированные просьбы Германии о вводе советских войск в Польшу имели место и позднее². Молотов еще 5 сентября ответил Шуленбургу, что «в подходящее время» СССР «будет совершенно необходимо начать конкретные действия»³, однако именно к действиям Советский Союз переходить не спешил. Причин к тому было две. Первую 7 сентября прекрасно сформулировал Сталин: *«Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга»*⁴. Примерно такой же линии поведения позже придерживалась и Германия во время «Зимней войны». Больше того, рейх в то время еще и в меру возможностей, стараясь особенно не злить СССР, поддерживал Финляндию. Так в самом начале войны Берлин отправил

¹ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 3 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы. М., 2004. С. 89.

² Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 8 сентября 1939 г. // Там же. С. 94.

³ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

⁴ Дневник генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова // Материалы сайта <http://bdsa.ru>.

финнам партию из 20 зенитных орудий¹. Тогда же Германия разрешила поставить из Италии в Финляндию транзитом через свою территорию 50 истребителей Fiat G.50². Однако после того, как СССР, которому стало известно об этих поставках, 9 декабря заявил рейху официальный протест, Германия была вынуждена прекратить транзит через свою территорию³, поэтому таким путем в Финляндию успело попасть всего две машины. И все же даже после этого немцы нашли довольно оригинальный способ оказания помощи Финляндии: в конце 1939 г. переговоры Геринга со шведскими представителями привели к тому, что Германия начала продавать Швеции свое вооружение, а Швеция обязана была такое же количество оружия из своих запасов продавать Финляндии⁴.

Вторая причина, по которой СССР предпочитал не форсировать начало военных действий против Польши, была донесена и до германского руководства, когда во время беседы с Шуленбургом 9 сентября Молотов *«заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь*

¹ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М., 1999. С. 193.

² *Зефирова М. В.* Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Эстония. Латвия. Финляндия. М., 2003. С. 162.

³ *Барышников В. Н.* К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта <http://www.history.pu.ru>.

⁴ Там же.

украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»¹. Кстати, дальнейшая судьба этого советского предложения для нападения на Польшу хорошо иллюстрирует, насколько готов был СССР идти на уступки Германии. 15 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу телеграмму, в которой так высказался о намерении Советского Союза представить свое вторжение в Польшу как акт защиты родственных народов от германской угрозы: «Указание мотива такого сорта действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения, представит всему миру оба государства как врагов»². Однако когда Шуленбург передал Молотову это заявление своего шефа, тот ответил, что хотя планируемый советским руководством предлог и содержит в себе «ноту обидную для чувств немцев», однако другого повода для ввода войск в Польшу СССР не видит»³.

¹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 10 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы. С. 95—96.

² Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Там же. С. 101.

³ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 103.

Таким образом, мы видим, что СССР, исходя из изложенных выше соображений, не собирался вторгаться в Польшу до того момента, как она исчерпает возможности к сопротивлению Германии. Во время очередного разговора с Шуленбургом 14 сентября Молотов заявил, что для СССР «было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава»¹. И вполне вероятно, что в случае эффективных оборонительных действий польской армии против Германии, и тем более в случае реального, а не формального вступления в войну Англии и Франции, Советский Союз вообще отказался бы от идеи присоединения Западных Украины и Белоруссии. Однако союзники *de facto* не оказали Польше вообще никакой помощи, а в одиночку она была не в состоянии оказать сколь-либо ощутимое сопротивление Вермахту.

К моменту введения советских войск в Польшу и военная, и гражданская польские власти потеряли какие-либо нити управления страной, а армия представляла собой разрозненные, не имеющие связи ни с командованием, ни друг с другом группки войск разной степени боеспособности. К 17 сентября немцы вышли на линию Осовец—Белосток—Бельск—Каменец-Литовск—Брест-Литовск—Влодава—Люблин—Владимир-Волынский—Замосць—Львов—Самбор, тем самым оккупировав уже около половины территории Польши, заняв Краков, Лодзь, Гданьск, Люблин, Брест, Катовице, Торунь. Варша-

¹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 98

ва с 14 сентября находилась в осаде. Еще первого сентября город покинул президент И. Мосцицкий, а 5 сентября — правительство¹. 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища, 16 сентября — с Румынией о транзите и, наконец, 17 сентября покинуло страну². Впрочем, решение об эвакуации, по всей видимости, было принято еще раньше, поскольку уже 8 сентября посол США в Польше, сопровождавший польское правительство, отправил в Государственный департамент сообщение, которое, в частности, гласило, что «польское правительство покидает Польшу... и через Румынию... отправляется во Францию»³. Главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы продержался в Варшаве дольше всех, но и он покинул город в ночь на 7 сентября, переехав в Брест. Впрочем, и там Рыдз-Смиглы надолго не задержался: 10 сентября ставка была перенесена во Владимир-Волынский, 13-го — в Млынов, а 15-го — в Коломыю близ с румынской границей⁴. Разумеется, нормально руководить в таких условиях войсками главнокомандующий не мог, и это только усугубило хаос, возникший вследствие быстрого продвижения немцев и неразберихи на фронте. На это накладывались еще и возникшие проблемы со связью. Так ставка в Бресте имела связь только с одной из

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 251.

² Там же.

³ Прибылов В. И. «Захват» или «воссоединение». Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г. // Материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>.

⁴ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 251.

польских армий — «Люблин»¹. Характеризуя сложившуюся в тот момент в ставке ситуацию, заместитель начальника Главного штаба подполковник Яклич докладывал начальнику штаба Стахевичу: *«У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи. . . С внутренней организацией в крепости Брест большой балаган, который я должен сам ликвидировать. Постоянные налеты авиации. В Бресте бегство во все стороны»*².

Однако страну покидало не только руководство: 16 сентября началась эвакуация на аэродромы Румынии польской авиации³. Наиболее боеспособные корабли польского флота: эсминцы «Wlaskawica», «Grom» и «Burza» были передислоцированы в английские порты еще 30 августа 1939 г. Изначально предполагалось, что они в качестве рейдеров будут действовать по немецким коммуникациям, нарушая торговое судоходство Германии⁴, однако каких-либо успехов в этом деле польские корабли не достигли, а их отсутствие в портах Польши негативно сказалось на боеспособности польского флота. С другой стороны, именно базирование в Британии спасло эти эсминцы от судьбы всего остального польского флота и позволило продолжать борьбу с немцами в составе КВМС уже после разгрома Польши. В ходе единственного своего крупного контрнаступления на р. Бзуре, начавшегося 9 сентября, польские войс-

¹ Там же.

² Там же. С. 252.

³ Котельников В. Авиация в советско-польском конфликте // Материалы сайта <http://www.airwiki.or>.

⁴ Побережец С. Германо-Польская война 1939 г. // Материалы сайта <http://wartime.narod.ru>.

ка в составе армий «Познань» и «Поможе» уже к 12 сентября потеряли инициативу, а 14 сентября были окружены немецкими войсками¹. И хотя отдельные части окруженных армий продолжали сопротивление вплоть до 21 сентября, как-либо повлиять на исход войны они уже не могли. В условиях очевидной неспособности Польши оборонять свои западные рубежи, 10 сентября Главный штаб выпустил директиву, согласно которой главной задачей армии становилось «стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией»². Характерно, что эта директива стала последним общеармейским приказом главнокомандующего, однако и ее все из-за тех же проблем со связью получили не все части. После выхода этого приказа сам Рыдз-Смиглы, как уже говорилось выше, покинул Брест и двинулся как раз в направлении, обозначенном в директиве, — поближе к Румынии.

Таким образом, ввиду эффективных действий немцев, дезорганизации армии и неспособности руководства организовать оборону государства, к 17 сентября поражение Польши было совершенно неизбежно. Показательно, что даже английский и французский генеральные штабы в подготовленном 22 сентября рапорте отмечали, что СССР начал вторжение в Польшу только тогда, когда ее окончательное поражение стало очевидным³.

У читателя может возникнуть вопрос: а не было ли у советского руководства возможности

¹ Мельтохов М. И. Указ соч. С. 266.

² Там же. С. 261.

³ Прибылов В. И. Указ. соч.

дождаться полного крушения Польши? Падения Варшавы, окончательного разгрома даже остатков армии, а возможно, и вовсе полной оккупации всей польской территории Вермахтом с последующим возвращением Западных Украины и Белоруссии Советскому Союзу в соответствии с советско-немецкими договоренностями? К сожалению, такой возможности у СССР не было. Если бы Германия действительно оккупировала восточные районы Польши, вероятность того, что она вернула бы их Советскому Союзу, была крайне мала. В руководстве рейха вплоть до середины сентября 1939 г. обсуждалась возможность создания на территориях Западных Украины и Белоруссии марионеточных правительств¹. В дневнике начальника штаба ОКХ Ф. Гальдера в записи от 12 сентября имеется такой пассаж: *«Главкомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина»*². Именно перспективой возникновения на востоке Польши новых территориальных образований Германия пыталась запугать руководство СССР с целью ускорить ввод советских войск в Польшу. Так 15 сентября Риббентроп просил Шуленбурга *«немедленно передать господину Молотову»*, что, *«если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы,*

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 291.

² Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939—1941. М., 2007. С. 55.

со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств»¹. Хотя, как видно из этой инструкции, Германия, конечно же, отрицала свое участие в возможном создании «независимых» государств в Восточной Польше, надо полагать, советское руководство иллюзий на этот счет не питало. Впрочем, даже несмотря на своевременное вмешательство СССР в германопольскую войну, определенные проблемы из-за того, что немецким войскам к 17 сентября удалось занять часть Западной Украины, все же возникли: 18 сентября заместитель начальника штаба оперативного управления ОКВ В. Варлимонт показал исполняющему обязанности военного атташе СССР в Германии Белякову карту, на которой Львов находился западнее демаркационной линии между СССР и Германией, то есть входил в будущую территорию рейха, что являлось нарушением секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении в отношении раздела сфер влияния в Польше. После предъявления претензий со стороны СССР немцы заявили, что все советско-германские договоренности остаются в силе, а военный атташе Германии Кестринг, пытаясь объяс-

¹ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы. С. 100—101.

нить такое нанесение границы, сослался на то, что это была личная инициатива Варлимонта¹, однако представляется маловероятным, чтобы последний чертил карты исходя из каких-то своих собственных соображений, идущих вразрез с инструкциями руководства рейха. Показательно, что необходимость советского вторжения в Польшу признавали и на Западе. Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда адмиралтейства, заявил 1 октября в выступлении по радио, что *«Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»*². Позиция союзников по вопросу вступления РККА в Польшу вообще интересна. После того как СССР 17 сентября заявил о своем нейтралитете по отношению к Франции и Англии³, эти страны также решили не идти на обострение отношений с Москвой. 18 сентября на заседании английского правительства было решено даже не заявлять протеста на дей-

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 325—328.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 204.

³ Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР // Оглашению подлежит. СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы. С. 107.

ствия Советского Союза, поскольку Англия брала на себя обязательства защищать Польшу только лишь от Германии¹. 23 сентября нарком внутренних дел Л. П. Берия информировал наркома обороны К. Е. Ворошилова о том, что *«резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил, что 20 сентября с. г. Министерство Иностранных Дел Англии послало телеграмму всем английским посольствам и пресс-атташе, в которой указывает, что Англия не только не намерена объявлять Советскому Союзу войну сейчас, но должна оставаться в возможно лучших отношениях»*². А 17 октября англичане заявили, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии не может быть и речи³. Таким образом, союзники, по сути, легитимизировали действия Советского Союза на территории Польши. И хотя мотивом такой гибкости Англии и Франции было в первую очередь их нежелание провоцировать сближение СССР и Германии, сам факт того, что союзники выбрали именно такую линию поведения, говорит о том, что они понимали, насколько напряженными по-прежнему остаются отношения между Советским Союзом и рейхом и что августовские договоренности — всего лишь тактический маневр. Помимо политических реверансов, Британия попыталась также нала-

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 354.

² Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 152.

³ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 355.

дить и торговые отношения с СССР: 11 октября на советско-английских переговорах было принято решение о возобновлении поставок советского леса в Британию, которые были приостановлены из-за того, что Англия после начала войны стала задерживать суда СССР с грузами для Германии. В свою очередь англичане обязались прекратить подобную практику¹.

Подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что в начале сентября Советский Союз не только не горел желанием каким бы то ни было образом помогать Германии в борьбе с Войском Польским, но и намеренно оттягивал начало «освободительного похода» вплоть до того момента, когда полное поражение Польши стало совершенно очевидным, а дальнейшее промедление с вводом советских войск могло закончиться тем, что Западная Украина и Западная Белоруссия в той или иной форме попали бы под влияние Германии.

А теперь перейдем собственно к рассмотрению подробностей взаимодействия Вермахта и РККА. Итак, 17 сентября советские войска силами Украинского (под командованием командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко) и Белорусского (под командованием командарма 2-го ранга М. П. Ковалева) фронтов вторглись в восточные районы Польши. Кстати, интересно, что, хотя освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии было лишь предлогом для ввода советских войск в Польшу, с населением этих территорий советские войска действительно преимущественно обращались как освободители. В приказе

¹ Там же. С. 356.

военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября подчеркивалось, что *«наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку нашим братьям белорусам и украинцам, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов... Мы идем не как завоеватели, а как освободители наших братьев белорусов, украинцев и трудящихся Польши»*¹. Директивой Ворошилова и Шапошникова военсовету БОВО от 14 сентября предписывалось *«избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника»*, а также не допускать *«никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах»*². В директиве начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса напоминалось *«о строжайшей ответственности за мародерство по законам военного времени. Комиссары, политруки и командир, в частях которых будет допущен хотя бы один позорный факт, будут строго наказаны, вплоть до придания суду Военного Трибунала»*³. О том, что этот приказ не был пустой угрозой, прекрасно свидетельствует тот факт,

¹ Приказ № 005 военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября // Катюнь. Пленники необъявленной войны (материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>).

² Директива № 16633 наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника генштаба РККА Б. М. Шапошникова военному совету Белорусского особого военного округа о начале наступления против Польши // Там же.

³ *Свищев В. Н.* Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. 2003. С. 194.

что в ходе войны и после ее окончания Военным Трибуналом было вынесено несколько десятков обвинительных приговоров по военным преступлениям, которые, к сожалению, все-таки имели место в ходе польской кампании¹. Начальник Главного штаба Войска Польского В. Стахевич отмечал: «Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение»². Отчасти именно благодаря такому отношению Красной Армии польские войска очень часто не оказывали ей сопротивления, сдаваясь в плен. Именно таким результатом закончилось большинство столкновений частей РККА и Войска Польского. Прекрасной иллюстрацией этого факта является соотношение погибших в боях с Красной Армией и попавших в плен к оной солдат и офицеров польских войск: если первых насчитывается всего 3500 человек, то вторых — 452 500³. Польское население также вполне лояльно относилось к Красной Армии: «Как свидетельствуют документы, например, 87-й стрелковой дивизии, «во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода». То же мы видим и в материалах 45-й стрелковой дивизии: «Население везде радо и встречает Красную Армию как освободительницу. Крестьянин села Острожец Сидоренко заявил: „Скорее бы установи-

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 372—380.

² Прибылов В. И. Указ. соч.

³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939—1941 гг. Документы, факты, суждения. М., 2008. С. 96.

лась Советская власть, а то 20 лет польские паны сидели на наших шеях, высасывали из нас последнюю кровь, а теперь наконец пришло время, когда нас Красная Армия освободила. Спасибо тов. Сталину за освобождение от кабалы польских помещиков и капиталистов»¹. Причем нелюбовь белорусского и украинского населения к «польским помещикам и капиталистам» выражалась отнюдь не только в доброжелательном отношении к советским войскам, но и в открытых антипольских восстаниях в сентябре 1939 г.² 21 сентября замнаркома обороны командарм 1-го ранга Г. И. Кулик докладывал Сталину: *«В связи с большим национальным угнетением поляками украинцев, у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков. Необходимо срочное обращение правительства к населению, так как это может превратиться в большой политический фактор»*³. А Мехлис в своем донесении 20 сентября указывал и такой интересный факт: *«Польские офицеры... как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной Армии и расправляются с польскими*

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 363.

² Борьба против польской оккупации на Западной Украине 1921—1939 гг. // Материалы сайта <http://www.hrono.ru>; Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 307.

³ Доклад заместителя народного комиссара обороны СССР командарма 1-го ранга Г. И. Кулика о боевых действиях частей и соединений Красной Армии на территории Западной Украины и политическом и экономическом положении в этом регионе // Капыть. Пленники необъявленной войны.

офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»¹. Таким образом, РККА выполняла на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии в некотором смысле и миротворческие функции. Впрочем, и после присоединения этих районов к СССР их белорусское и украинское население не изменило своего отношения к полякам, хотя это и стало проявляться в несколько иной форме. Так, например, во время высылки из западных областей Украины и Белоруссии осадников и лесной стражи в феврале 1940 г. местное население оных областей восприняло это решение советского правительства с большим энтузиазмом. В спецсообщении Берии Сталину по этому поводу говорится, что «население западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР на высылку осадников и лесной стражи реагирует положительно. В ряде случаев в задержании бежавших осадников местные жители оказывали помощь оперативным группам НКВД»². О том же, но чуть более подробно говорится и в докладе дрогобычской областной тройки НКВД УССР о тех же событиях: «Выселение осадников и работников сторожевой охраны

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 367.

² Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о результатах операции по выселению осадников и лесной стражи из западных областей Украины и Белоруссии // Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 142.

лесов основной массой крестьян обл. с удовольствием одобрялось и всемерно поддерживалось, о чем красноречивее всего говорит факт участия в операции большого количества сельского актива (3285 чел.)»¹. Таким образом, по крайней мере частью населения отторжение Западных Украины и Белоруссии от Польши действительно воспринималось как освобождение.

Но вернемся к рассмотрению особенностей советско-германского взаимодействия, которое началось с того, что в два часа ночи 17 сентября Сталин вызвал к себе Шуленбурга, объявил о вводе советских войск в Польшу и попросил, *«чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток—Брест-Литовск—Лемберг [Львов]. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга»². Просьба германского военного атташе генерал-лейтенанта Кестринга об отсрочке боевых действий советской авиации, чтобы германское командование смогло принять меры по предотвращению эвентуальных инцидентов, связанных с бомбардировкой районов, занятых Вермахтом, осталась неудовлетворенной. В результате некоторые немецкие подразделения попали под удары советской авиации³. И в дальнейшем наиболее яркими*

¹ Доклад дрогобычской областной тройки НКВД УССР наркому УССР И. А. Серову об итогах операции по выселению членов семей осадников и лесников // Сталинские депортации. 1928—1953. М., 2005. С. 126.

² Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 17 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы. С. 104.

³ Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 107.

эпизодами советско-немецких взаимоотношений являлись не совместные действия по уничтожению остатков польских войск, как должно было бы быть у союзников, а подобные эксцессы, приводившие к жертвам с обеих сторон. Наиболее заметным таким происшествием стало столкновение советских и германских войск во Львове. В ночь на 19 сентября к городу подошел сводный отряд 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады. В город был введен разведбатальон 24 тбр. Однако в 8.30 утра части 2-й немецкой горнострелковой дивизии предприняли штурм города, при этом был атакован и советский батальон, несмотря на то что первоначально он не проявлял никакой агрессии. Командир бригады даже выслал в сторону немцев бронемашину с куском нижней рубахи на палке, однако немцы огонь не прекратили. Тогда танки и бронемашины бригады открыли ответный огонь. В результате завязавшегося боя советские войска потеряли 2 бронемашины и 1 танк, 3 человека убитыми и 4 ранеными. Потери немцев составили 3 противотанковых орудия, 3 человека убитыми и 9 ранеными. Вскоре стрельба была прекращена и к советским войскам был выслан представитель немецкой дивизии. В результате переговоров инцидент удалось уладить¹. Однако, несмотря на сравнительно мирное разрешение этого конфликта, встал вопрос, что делать со Львовом. Утром 20 сентября немецкое руководство через Кестринга передало в Москву предложение взять город совме-

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 320—321.

стными усилиями, а затем передать его СССР, но, получив отказ, вынуждено было отдать приказ об отводе своих войск. Германское командование восприняло такое решение как «день унижения для немецкого политического руководства»¹. Во избежание возникновения аналогичных инцидентов 21 сентября на переговорах Ворошилова и Шапошникова с Кестрингом и представителями германского командования полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом был составлен протокол, регламентирующий продвижение советских войск к демаркационной линии и вывод частей Вермахта с занятой ими советской территории.

«§1. Части Красной Армии остаются на линии, достигнутый ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной Армии выходят к вечеру

¹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 58.

28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной Армией районов, пунктов, городов и т. п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т. п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

§ 5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск. Командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

§ 6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной Армии при движении на запад колонн Красной Армии может летать только до линии авангардов колонн Красной Армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по рр. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков, авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии»¹.

Как мы видим, были предприняты все меры для того, чтобы РККА и Вермахт в ходе действий в Польше вообще друг с другом не соприкасались, — какое уж тут сотрудничество. Впрочем, именно за сотрудничество порой пытаются выдать 4-й и 5-й пункты этого протокола, хотя ничего особенного в них, в общем-то, нет. Немецкая сторона всего-навсего обязуется вернуть СССР в целостности и сохранности те объекты, которые и так ему принадлежат, поскольку находятся на территории, отходящей согласно секретному дополнительному протоколу к Советскому Союзу. Что же касается советского обязательства оказывать помощь небольшим немецким частям в случае, если их продвижению будут мешать остатки польских войск, то тут прослеживается вовсе не стремление СССР сотрудничать с Вермахтом, а как раз таки нежелание иметь с ним какие-либо контакты. Советское руководство настолько хотело как можно быстрее выпроводить немецкие войска со своей территории, что готово было даже конвоировать их до демаркационной линии.

Впрочем, даже этот протокол, сводивший, казалось бы, к минимуму возможность столкновений между советскими и немецкими частями, не смог предотвратить дальнейшие конфликты между ними. 23 сентября у Видомля конный разъезд разведбата

¹ *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. С. 329—331.

8-й сд был обстрелян пулеметным огнем 6 немецких танков, в результате чего 2 человека было убито и 2 ранено. Ответным огнем советские войска подбили один танк, экипаж которого погиб¹. 29 сентября в районе Вохыни 3 немецкие бронемашины открыли огонь по саперному батальону 143-й сд². 30 сентября в 42 км восточнее Люблина с немецкого самолета был обстрелян 1-й батальон 146-го сп и 179-й гап 44-й сд. Восемь человек получили ранения³.

1 октября прошли очередные переговоры между Ворошиловым и Шапошниковым с одной стороны и Кестрингом, Ашенбрэнном и Кребсом с другой об отводе немецких и советских войск к окончательной границе, которая была определена подписанным 28 сентября советско-германским Договором о дружбе и границе. В отношении мер по предотвращению столкновений между РККА и Вермахтом новое решение договаривающихся сторон в целом повторяло протокол от 21 сентября, однако во избежание происшествий вроде случившегося 30 сентября в протоколе появился такой пункт: *«При отводе войск Красной Армии, авиация Красной Армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной Армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров»*⁴.

Итак, как мы видим, многочисленные договорен-

¹ Там же. С. 337.

² Там же. С. 338.

³ Там же. С. 340.

⁴ Там же. С. 360.

ности и консультации, которые действительно имели место в советско-германских отношениях, начиная с 17 сентября, были направлены вовсе не на координацию совместных действий советских и немецких войск по борьбе с остатками польских формирований, как это подобает делать союзникам, а всего лишь на улаживание различных конфликтов, возникавших в результате столкновения частей РККА и Вермахта, и на предотвращение конфликтов новых. Представляется вполне очевидным, что для исключения эскалации мелких стычек до размеров реального конфликта так должны были действовать любые государства. И меры, предпринятые Советским Союзом и Германией, говорят вовсе не о союзническом характере их взаимодействия. Как раз наоборот, сам факт того, что эти меры пришлось принимать, и та форма, в которой это было сделано, прекрасно демонстрирует нам, что основной целью сторон было в первую очередь разграничение зон действий своих армий, недопущение каких-либо контактов между ними. Автору удалось найти всего два примера, которые действительно можно охарактеризовать как сотрудничество Советского Союза и Германии. Во-первых, 1 сентября помощник наркома иностранных дел В. Павлов передал Молотову просьбу советника германского посольства в Москве Г. Хильгера о том, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1. 0», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В. М. Молотова на документе следу-

Содержание

<i>Сутулин П.</i>	
Был ли Сталин союзником Гитлера?	5
<i>Рубецкий О.</i>	
Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?	41
<i>Исаев А.</i>	
Сказка о потерянной связи	85
<i>Пернавский Г.</i>	
Почему погибли сталинградские пленные?	113
<i>Дюков А.</i>	
«Die Aktion Kaminsky»: Локотское «самоуправ- ление» и создание бригады РОНА	147
<i>Гончаров В.</i>	
Каска из папье-маше	194
<i>Морозов М.</i>	
Гибель «Вильгельма Густлофа»: правда и домыслы	300
<i>Кричевский И.</i>	
Дрезденский миф	346